

Новый президент Французской республики, г. Лубе, избранный, как теперь выясняется, главным образом, благодаря поддержке сената, сдвинул предметом жестокой травли. С ним повторится то самое, что было профанно за г. Казимиром Перье. Манящаяся издательства, брань, клеветы — все пускается в ход для того, чтобы подорвать авторитет главы государства, вывести его из терпения, побудить к какому нибудь неосмотрительному шагу, а главное — убить его, что ему будет гораздо спокойнее и безопаснее жить на старом квартире, чьем в Елисейском дворце. Видь, г. Казимир Перье был доведен до того, что он, возмущенный наглым инстинктами, оскорблявшими его и как человека, и как государственного деятеля, сложил с себя все полномочия и удалился в частную жизнь. Почему же нельзя надаться, что и г. Лубе, если его будут поносить два дня в день, тоже не выдержит и последует примеру предшественника Феликса Форэ? Так рассуждают люди, которые приходят не по сердцу избрание г. Лубе, и поэтому кричат, что все лады, что торжество г. Лубе позорит Францию, что он недостоем почта, выпавшая на его долю, что он не только не возмещает падь уровнем самой заурядной посредственности, но должен быть привлечен к ответственности за самонадеянные неблагоприятные действия. За нас, французики г. Лубе уверяют, будто он принадлежить к тем людям, которые, подобно Панаме, будто он участвовал в проделках г. Рувьера и г. Рейнана, будто он мировил и был самыми злыми намерениями и т. д., и т. д. Все это говорится и пишется без всяких доказательств и без всяких оснований, единственно для того, чтобы сыграть смуту в сознании г. Лубе с лица земли Calomniez, calomniez, говорят враги г. Лубе; il en restira tout pour quelque chose. Исходя из такого убеждения, они распространяют о г. Лубе всевозможные небывалы, при чем г. Кеселье де Бореперь, столь нежно и давно славивший себя судейского туго и не без выгоды для себя превративший из безстрастного жреца Омеиды в политиканта заигнатьных паче флюфетов и рвчей, отлучается по особенным усердиям и особенной беззастыдливостью: променяв спокойное отправление правосудия на политическую и публичную политическую борьбу и полемик, г. Бореперь разразился против г. Лубе цылыми градом обличений и разоблачений, уверяя, будто у него есть самая неотразимая улика против г. Лубе. Сама собой разумеется, что у г. Борепе-

IV.
«Момент», новелла г-жи Элизы Ожешко

В прошлую субботу, когда я разбирал новую повесть П. Д. Воборыкина «Дома», напечатанную в январьской книге «Русской Мысли», мне хотлось остановиться и на тротуарной новелле известной польской романистки, г-жи Элизы Ожешко «Момент», посвященной в том же журнале. Неосторожно, явился и психологический анализ, ни вятковско-ижевского типов и характеров, но талант автора дает себя знать с первых же страниц. И мы не оторвемся от новеллы, начиная ее читать, до тех пор, пока не кончите. И прелесть заключается в теплоте, которой она согрета, в поэтичности колориты, в том возвышенном мироощущении, которым она проникнута, — мироощущении, напоминающего, в распространении представления и в изображении, ничего общего с столь распространенным нынче, жарено материалистическим, близоруком и безнадеежно мрачным, или, лучше сказать, броуновско-угрюмым, взглядом на жизнь. В новелле г-жи Ожешко нет ни протокольного реализма, ни quasi-научных инсинуаций в область психологии и психиатрии; г-жа Ожешко не ставит перед собой никакой социальной и политической проблемы, но она наглядно показывает всю ложь и пустоту того литературного направления, которое низводит человека и его душу на степень животного и инстинктивного процесса. Г-жа Ожешко затрагивает благороднейшие струны вашего сердца, будит, алая лучшая воспоминания, мирит нас с жизнью и ее темными сторонами, укрывает нашу врану в иделы правды, добра и красоты. Читая новеллу г-жи Ожешко, невольно вспоминаешь преходящее душевное состояние А. Н. Майкова:

Формы, мал другие, совершенно — не все еще в ней дух искусства:
Чистая пусть мучилась, достигла — не ней моя душа.

«Ивантур» новеллы г-жи Ожешко в общем тон и эти новеллы и в ее освещении, светится чистая душа автора, и вы с наслаждением читаете за ее стремлением в «горизонт области», — в т. ч. лучезарная обстановка, гл. царств.

Поняв, не меркнувший,
Смелый свет угнетенный,
Который, нежданный нас —

К. Незадающему
Свету бесмертному,
Дню безвечному,
Почтенному роду человечеству Христо-
вскому в Его Вавилонии. Г-жа Ожешко могла бы поставить эпиграфом к своей новелле слова поэта:

В этой толпе, под войбою шло
Искусство

...нать выкинуть улик и что он просто хочет наловить рыбы в мутной воде. Это не мешает ему драпануться в мантию гражданского мужества и изрекать свои измышления и сплетни тоном какого то ясновидящего. „Я выступаю в качестве свидетеля и кланусь перед Богом и людьми говорить только правду. Слушайте же человека, который ни разу в жизни не лгал!“ Борепер рассказывает, что он заканчивает книгу о Панаме и, таким образом, освещает роль Лубе. „Когда съезды трибуны суда Лубе заявили, что никогда не выдаст списков подкупленных членов парламента, список этот находился в письменном столе Лубе. Об этом знает сам Лубе. Он рассказывает. Записки Лубе, в бытность свою министром внутренних дел, помпашат миф арестовал Рейна. Первоначально он просил меня не арестовывать Рейна, потом призвал меня к себе и держал у себя до шести часов вечера, т. е. до того времени, когда миновал установленный законом срок для домовых обысков. Благодаря этому, Рейнау дана была возможность привести свои бумаги в порядок и забыть. А конечно, г. Борепер не молчал бы до сих пор, если бы он знал о г. Лубе эти ужасы, о которых он тут трубит. Почему же он только теперь нашед нужным снять съ своих уст печать молчания! Да потому, что Лубе не сочувствует избранной г. Лубе и считает дозволительным действовать против него всеми средствами.

Главное обвинение против г. Лубе состоит в том, что он, будучи бы, принадлежит к числу дрейфусаров. Никакими данными оно до сих пор не подтверждено. Не смотря на то, авторизованные свуть и мучут по поводу избрания г. Лубе, точно будто оно угрожает Франции гибелью. Из всех их объяснений можно догадываться, что г. Лубе, по их свидетельствам, за являл дло то и кому то, что они не находят ни нужным передавать дло Дрейфуса общему собранию кассационных палат и создавать для него особенную подсудность специальным законам. Это мнине может быть раздвлено самими благоразумными и безпристрастными людьми, но фантастические настроения антиривизионисты считают его судуще ересью, за которую следует чуть только не сжигать на костре. Дло дошло до того, что г. Лубе счел нужным опровергнуть выдумки своих недругов и категорически заявить, что он не принадлежит и никогда не принадлежал к числу дрейфусаров. По свидетельствам „Figaro“, г. Лубе сказал бы присутствию многих лиц, явившихся поздравить его съ избранием, въ пре-

зиденты: „Никто не имеет права говорить, что дрейфусар или антидрейфусар. Вместе с огромным большинством французского народа, я стою за то, чтобы была раскрыта вся правда при помощи суда. Когда сенатская комиссия заявила, что большинство сената высказывается в пользу закона, предложенаго Дюпон, я сейчас же сказал: очень рад, это даст нам возможность раз навсегда покончить съ длом Дрейфуса“. Но г. Дрюмона и г. де-Борепера мало не дбствуют такого рода заверений, и они продолжают волновать общественное мнине своими заподозрениями, мнинеми дло, во что бы то ни стало, вызвать президентский кризис. Они и им подобны е fans terribles антиривизионисты ских фракций никак не могут помириться съ поражением испытанным их единомышленниками на конгрессе национального собрания и хотят избавиться от г. Лубе не мытьем так катаньем... Судя по всему, они не будут иметь успеха.

Военный банк.

Телеграф сообщал нам о предположении учреждения у нас военного банка, уставе которого, по словам „Развлича“, составляет г. Росовский, служивший когда то в банк. Этот пока и исчерпывающий извеш о новом проектом банке. У нас имеются два военных банка, и торговые банки, купеческие, и городские и т. п. Специальное назначение каждого улазывать нужды той корпорации, название которой он носит. Нты у нас только банка военного, мнине щего ближайше- плью прийти на помощь военному сословию, сплошь рломом к мнинею возможности кредитования при неотложной нужде. Военная служба съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую сумму 200 р., средняя 350 рублей, наивысшая 500 р.), — офицерские заемные капиталы. Но кредит этот не может удовлетворить съ каждым годом, при чем одна часть ее остается на службу, а другая уходит или въ отставку или въ запас. Правда, при каждой стровой части и при каждом почти управлении мнине для удовлетворения нужды въ мелком кредите, не превышающем 500 руб. (смотра по числу кредитующихся: на мелкую

ти в периодокъ и затѣмъ поставить себя публично въ любовь». Конечно, г. Бореперь не молчалъ бы до сихъ поръ, если бы онъ зналъ о г. Лубе тѣ ужасы, о которыхъ онъ трубитъ. Почему же онъ только теперь напечаталъ свои статьи? Почему онъ только теперь съ своихъ устъ печатъ молчанія! Да потому, что онъ не сочувствуетъ избранію г. Лубе и считаетъ дозволеннымъ дѣйствовать противъ него всѣми средствами.

Главное обвиненіе противъ г. Лубе состоитъ въ томъ, что онъ, будучи поны, принадлежитъ къ числу дрефусаровъ. Никакими данными оно до сихъ поръ не подтверждено. Не смотря на то, антиревизионисты рвутъ и мечутъ по поводу избранія г. Лубе, точно будто они угрожаютъ Франціи гибелью. Изъ всѣхъ ихъ объясненій можно догадываться, что г. Лубе, по ихъ свѣдѣніямъ, за являя гдѣ то и кому то, что онъ не находитъ никакого передавать д-лю Дреффусу общему собранію кассационныхъ палатъ и создавать для него особенную подопустность спеціальнымъ закономъ. Это мнѣніе можетъ быть раздѣлено самими благообразными и безпристрастными людьми, но фантастическіе настроенія антиревизионисты считаютъ его случеею ересью, за которую слѣдуетъ чуть только не сжигать на кострѣ. Дѣло дошло до того, что г. Лубе счелъ нужнымъ опровергнуть выдумки своихъ недруговъ и категорически заявить, что онъ не принадлежитъ къ числу дрефусаровъ. По свѣдѣніямъ «Figaro», г. Лубе сказалъ въ присутствіи многихъ лицъ, явившихся поздравить его съ избраніемъ, въ президенты суда, что онъ не принадле-

Телеграфъ сообщилъ намъ о предположеніяхъ учрежденія у насъ военного банка, уставъ котораго, по словамъ «Развѣдчика», составленъ г. Ресовскимъ, служащимъ когда то въ банкѣ. Этотъ пока и исчерпавшійся свѣдѣній о званъ протекторомъ банка. Въ составъ директоровъ войдутъ русскіе банкиры, и торговые банки, купеческіе, и городскіе и т. п. Специальное назначеніе каждаго участника является предметомъ изслѣдованій нудамъ той корпорации, названіе которой онъ носитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ банкъ займетъ у насъ такую роль, какую имѣетъ сейчасъ близкашій — плѣть — прйдти на помощь военному сословію, сплошь лиричному по нѣмецкому воззрѣнію кредиторами при неотложной нуждѣ въ деньгахъ. Но въ случаѣ продолжительныхъ годовыхъ, при чемъ одна часть ее остается на службѣ, а другая уходитъ или въ отставку или въ запасъ. Правда, при каждой строжай части и при каждомъ почти управленіи имѣется для удовлетворенія нужды въ мелкомъ кредитѣ, не превышающемъ 500 руб. (смотра по числу кредиторскихъ на мелкихъ суммъ 200 руб., средная 350 наивысшая 500 руб.),—офицерскіе заемны капиталы. Но кредитъ этотъ не можетъ удовлетворять потребности машинъ, пушекъ и главныхъ оружіевъ на бужденіе; впрочемъ эта часть его идетъ на потребности текущей жизни, что является вполне необходимымъ при незначительномъ матеріальной обезпеченности офицерами. Но если офицеру представляется не обходимость въ болѣешемъ кредитѣ, то ему остается только одно: обратиться къ родственникамъ и платитъ исплата военнаго пенсія. Если же онъ изымаетъ болѣе значительныя средства, то онъ подвергается введенію и аннуэтарной жизни, представляется случай выгодно приобрести сапогъ, допустимъ, какое имя небольшое имѣніе, мотушее въ будущемъ служить убѣжищемъ и ему и его семьѣ, и онъ долженъ отказывать отъ этого, потому что негдѣ देने денегъ. Вотъ тутъ то помощникомъ банка и необходима. Другой случай семейно офицеру предстоитъ вывести своихъ дочку замужъ, и онъ не выдаетъ ей приданаго, а беретъ на себя обязательство. Тутъ помощь банка опять необходима. Наконецъ, офицеръ заслужилъ, ему необходимо возстановить свои силы побѣдой на войнѣ. На по-

Каждое, приблизительно в те периоды чехадх ашрыла и в течение почти всего мая, — повсеместно в родных школах производятся следующие экзамены — окончательные для учащихся: первый — полный курс грамматики, второй — в церковном языке на понимание и чтение, третий — экзамен на понимание и чтение в родных школах, а также в школах, казах, напр., в училищах Министерства Народного Просвещения, городских русских училищах), помимо описанных

— Она въ городъ живетъ и переселенцы? — Что она дѣлаетъ? — Она поетъ!— съ легкой насмѣшкой и въ взглядѣ отвѣтилъ дивный кавказецъ.

— Мендель увидѣла.

— Поетъ? Какъ это—поетъ? [Все въ изумленіи.] Завѣкъ же она поетъ!—

— Мендель Шашпуръ не получаетъ отъ насъ на свои вопросы и помалъ только, что у него остановился на мѣстѣ, на которой нужно было поспѣшно ухаживать, такъ какъ она была готова схватиться въ распыленіе. [Въ большой тишинѣ, оставшись одна, бросается на грязный, порванный матрацъ, съ отчаяніемъ стискиваетъ свою голову и остается слово въ зачѣхъ. Тѣмъ временемъ солнце успѣваетъ закатыться, и восходитъ мѣсяцъ, озаряющій мѣстечко своимъ полублѣднымъ свѣтомъ. Но мѣсяцъ некто блѣднѣе, Мендель ведетъ дѣлающуюся съ произвожками шляху въ темноту, его толстая, свдвигая и кричащая, и тѣ дѣтны, злобно бранятъ за то маленькую, хуленую Гитло, Хаамъ Циглеръ и его семья, обращаясь болѣе сильной, сидятъ за пюжной книгой, приводятъ въ порядокъ счета съ должниками, въ комнатѣ же обжоры, кому слѣдуетъ поспѣвать къ сну.

— Хаамъ гнѣвнымъ движеніемъ опустилъ руку на сестру и шину и сказалъ:

— Ты больше жадни не буди! Не пошу я давать пожджи этого Обу-раскоу. Если черезъ недѣлю она не принесетъ денегъ...

— Почему черезъ недѣлю? Зачѣмъ недѣлю? Затвратъ! Затвратъ!—зачапливо залетѣла Малка.

— Черезъ недѣлю!— повторилъ Хаамъ.

— Малка тотчасъ же согласилась.

— Пусть будетъ такъ. Ну, черезъ недѣлю!

— Я подамъ въ судъ, а потомъ яму ея доймъ...

— Что это за домы хата!

— Пусть будетъ хата! Я еѣ съ ба-шомъ перепродаю кому нибудь. Я лавно бы сдѣлалъ это, еслибъ не я ея доймъ.

— Малка опять разгорячилась:

— Коли она бѣдная, зачѣмъ она пьетъ чай и варитъ кашу изъ му-челы... а потомъ платитъ не лучшей...

— Ты права, Малка,— въ свою очередь согласился съ ней мужъ. — Чѣмъ въ недѣлю я подамъ на нее въ судъ, черезъ нѣсколько мѣсѣдъ возмю ея ея доймъ.

— И возмю! и возмю!—зачаплила Малка, и снова она наклонилась головою къ большой счетной книгѣ, на которой нарисованы, испещренны мелкими цифрами, не спускались ни оди- нѣйшаго мучъ...

— Ибъсь подымался все выше и выше оно нкто не замѣчалъ. Его замѣчалъ и несчастный старикъ, который сидѣлъ въ углу.

— Что это такое? — Что это такое? — Ты мнѣну оно слушало, потомъ...

[illegible][illegible][illegible]

Рухля тихо шепнула:
— Подайте на крыльцо, Мендель, оттуда лучше слушать.
— О, чудо! Рухля говорит так тихо и мягко! Она пошла на крыльцо, но в темных свихах, узакранных павре- рь гостной что-то зашевелилось и припало к землѣ. То была Гитля, но ни Мендель, ни Рухля не замѣтили ее. Мендель покачал головой.
— Так это она так поет!
— Хорошо поет! — шепнула Рухля и потом прибавила: — Вот счастлива- я! Такие бриллианты и такіа пѣсня! Ее толстая плечи подъ грязнымъ кафтаномъ заложилъ, жирное лицо дрогнуло. Она подняла глаза к небу тихо сказала:
— Мендель, Мендель, какой хоро- шій мѣсяцъ!
Мендель и безъ нея увидалъ мѣсяцъ и, несмотря на свою обычную вертлявость, стоялъ, какъ онемѣлѣвшій и слушалъ пѣніе.
А въ другомъ домѣ солидный Хаимъ Циглеръ и жена его, Малка, также подняли головы, склоненныя надъ большою счетной книгой, а такъ какъ они были сосланными супругами, то также согласно и въ одно время про- заявили:
— Кто-то очень хорошо поетъ!
Они хотѣли было считать далѣе, но что-то имъ мѣшало, путало ихъ мысли и цифры. Они встали и вмѣстѣ вышли на крыльцо дома. Черезъ ми- нуту Малка сказала:
— Я знаю, кто это такой. Разсери- сьла. Это какіа-то большаа пѣвица, которой надо платить большія деньги за ея пѣніе. Такъ чудесно пѣтъ и онѣ за это получаютъ большія деньги! Вотъ счастливая!
— А отъ чего она такъ грустно поетъ, коли она счастлива? — спросилъ Хаимъ.
Малка вздохнула.
— Меня это пѣніе трогаетъ за самое сердце!
— А мнѣ кажется, что оно дости- гаетъ до самаго неба. Малка, видишь, какъ хорошо свѣтѣтъ мѣсяцъ!
Внимательно слушая пѣванку и не- сколько углубившись въ горемъ, старикъ, лишавшійся своей единственной отъ- рады, и большаа, разбитая парали- чомъ, и чахлый ребенокъ, съ вѣлчанъ- ными усиліемъ несшей по улицамъ тя- желейшій мѣшокъ картофеля.
Въ первый разъ они заплакали надъ бѣдной головой сына, который спокойно лежалъ въ гробу, и вывѣсь съ тѣмъ его глаза, устремленные вверхъ, вѣтрѣли темныя очертанія крестовъ, который, возмывшая надъ кровлями домовъ, вырисовывался на безоблачномъ небѣ.
Они смотрѣли на крестъ и слушали пѣвено, а женщины, стоявша волеи и окутанная тѣнью, падающею отъ де- реветъ, шепнула:
— Пойдите, Богу Заплакали! Теперь не сойдетъ съ ума!
Одна изъ женщинъ замѣтила:
— Это отъ пѣня. Такого пѣніе еще равно, что царская власть, — что хо- щешь, то и сдѣлаешь съ людьми. Вотъ, счастливая!
И скорбныя уста парализованной женщины, лежащей на убогой постели

завласть, съ исторической улыбкой королявших губ, казалась ослепительною лукавства, вселеннаго въ престелуistou дитючку. Пшанна свела глаза съ лица своей (слушательныи и осматривае въ округу. На крыльцах домишко толпились темныи, вѣтмыи, внимательно слушающаи фигуры, а свѣтлѣиши окна мигають, точно хотѣтъ сказать:

— Пои! Пои еще!

И она зашла. Ее охватило то чувство сознанія своей власти надъ челоѣвѣскими душами, которое художники слова и звука изъ юдои гора возносятъ на вершины, до сихъ поръ недоступныи для нихъ. Въ неволеи женщинъ проснулася великая артистиче-ка. Гениа художника схватилъ еи изреченное сердце, безъ еи вѣдома открылѣ его, и, распустивъ эти крыльи, она вознеслася надъ своими словами и страданиями, въ серебристое пространство, высоко пара надъ темныи муравейникомъ и разливала съ высоты пылъ утѣшенія и силы.

Въ тѣсной и темной улицѣ, похожей на черную пастъ гроба, прислонившисъ утомленными плечами къ полулежавшему пелену, сидѣлъ блѣдный ребенокъ, который только что свалился съ себя огромной мѣшкои картофеля и подосаи кусокъ черного хлеба къ своимъ блѣднымъ губамъ. И вдругъ на еи всадились два рѣзкихъ луча, раскатыла кость—улыбка. Онъ ужо изъ хлѣба, хотя бы голоденъ. Они все ухаживала, хоти и самъ не знаетъ, чему удивляется. Тагъ свѣтло на сѣтѣ, то-то какъ громко поетъ, а выосо надъ осбидяиши кровлями видѣются крестъ и горитъ, какъ серебряный. Маленький символъ челоѣвѣства, который на время сбросилъ съ своихъ плечъ непосильную ношу, пересталъ на время чувствовать, что плечи его болятъ, прислонился спиною къ полулежавшему пелену, поднялъ свое блѣдное лицо, по которому блуждалъ лучъ мысленна, улыбающисъ и стать присутствующимъ къ глѣбѣи.

Такова новела г-жи Ожешко. Въ нашъ планъ не входитъ разборъ и критика еи техническихъ приѣмовъ. Намъ хотѣлось только отбѣтить и расказать даровитъ писательницы, какъ такой образецъ, на который слѣдовало бы обратить вниманіе тѣмъ изъ нашихъ Селлеристовъ, которые воображаютъ, что искусство должно пресмыкаться въ грязи, и что ему не слѣдуетъ возноситься въ область идеала. «Романтизмъ!» скажутъ эти господа, прочитавъ новеллу, о которой мы говоримъ. Да, романтизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истинно художественная правда, и прекрасная, вѣющая томилка, и русскіи, и будущаи стороны жизни, не только заманывающа. Въ то же время, вышпхъ запросы и стремленія челоѣвѣческаго духа. Новела г-жи Ожешко возбуждае добрый чувства, и, дай Богъ, чтобы то же самое научили дѣлать наши правдолюбивые послѣдователи жизни и протокольного отношенія къ искусству...

И. Ч.

